

Е Мянью замер. С тех пор как он перенесся в эпоху династии Великая Вэнь, он стал крайне суеверен и всерьез опасался всякой чертовщины. Услышав слова Дуань Люя, он и вовсе не решился дергаться. Немного подумав, он схватил оба мешочка и с силой потянул на себя — молодая весенняя ветка с хрустом надломилась.

Е Мянью бросил Дуань Люю все еще запутавшиеся мешочки и сказал:

— Забирай. Отдай вашему князю, пусть его ловкие слуги сами их распутают.

У стоявшего рядом Жуань Юньшэна задергался глаз. Ну и дурак же этот Е Мянью! Как можно было отдать кому-то мешочек, на который сам же загадывал любовную судьбу?

Тем временем Дуань Люй спрятал мешочки, поклонился Е Мянью в знак благодарности и увел Лу Личжэна. Жуань Юньшэн лишился дара речи. Он посмотрел на Е Мянью, пересилил себя и больше не стал поднимать эту тему.

Смеркалось. Ни у кого больше не было настроения гулять по саду, поэтому они не спеша покинули усадьбу Таоли и направились по домам.

У ворот храма Куйюань друзья как раз шумно требовали, чтобы проигравший пари Е Мянью сдержал слово и спустил Вэй Аньюаня с горы на закорках, как вдруг заметили крадущегося к ним Лу Личжэна с густо покрасневшим лицом.

— Брат Мянью, — Лу Личжэн, опустив голову, протянул Е Мянью какую-то вещь.

Это был мешочек Е Мянью. Небесно-голубой плетеный шнурок на нем оказался безжалостно перерезан, и теперь сиротливо свисала лишь его половина.

— Вы же сами говорили, что нельзя резать ножом?!

Лу Личжэн лишь ниже опустил голову, не смея пикнуть.

Е Мянью взял мешочек, взвесил его в ладони и от злости усмехнулся, пробормотав себе под нос:

— Это же мне всю любовную судьбу разрушит!

— Брат Мянью...

Лу Личжэн не успел договорить — Е Мянью раздраженно прервал его:

— Передай вашему князю Жуннань: если у меня в любви теперь ничего клеиться не будет, то и он жену не найдет. Будем вместе бобылями куковать!

Рано утром следующего дня Е Мянью кое-как сполз с кровати. Но стоило его ногам коснуться пола, как он тут же рухнул на колени.

Вчера он проиграл спор и тащил Вэй Аньюаня на спине до самого подножия горы. Накануне вечером все казалось терпимым, зато сейчас последствия проявились во всей красе: ноги превратились в ватные макароны и ныли так нестерпимо, что перепуганные служанки во главе с Баосюэ долго растирали и массировали их.

Из-за массажа в спальне время было упущено, и Е Мянью не успевал позавтракать дома. Баохэ тут же велела одной из ожидавших поручений младших служанок отнести завтрак со стола обратно на кухню, чтобы там упаковали что-нибудь горячее в дорогу.

Только Е Мянэ оделся и собрался выйти, как эта девчушка в панике вбежала обратно, упала на колени у ворот и разрыдалась. Старшие служанки недоуменно переглянулись и принялись расспрашивать ее, но та лишь всхлипывала, не в силах вымолвить ни слова. В конце концов Баонянэ прикрикнула на нее, и девочка наконец смогла связно объяснить, в чем дело.

Эту девочку звали Жуй-эр. Обычно именно она бегала на кухню за завтраком для Четвертого молодого господина Е. Там ее все знали, кухарки встречали приветливо и позволяли выбирать любые сладости.

Вот и сегодня Жуй-эр, покрутившись у плит, заметила только что вынутую из пароварки тарелку с кунжутным печеньем «жуи». Зная, что Четвертый молодой господин Е обожает аромат кунжута, и видя, что все вокруг заняты, она сама завернула угощение в промасленную бумагу.

Кто же знал, что не успеет она донести сверток до повозки, как в галерее ее перехватит запыхавшаяся кухарка. Та объявила, что барин пришел в ярость из-за взятого угощения. Жуй-эр оцепенела от страха, искренне не понимая, с чего бы хозяину гневаться на простую служанку из-за тарелки кунжутного печенья.

На самом деле бедняжка невольно попала под горячую руку вместо Е Мянэ. Сегодня домой возвращался старший молодой господин Е Цзин. Заместитель министра Е, истосковавшийся по сыну, еще с утра отпросился у начальства, чтобы встретить его за городом. Накануне вечером он лично велел поварам приготовить любимые лакомства старшего сына, чтобы взять их с собой в дорогу.

Заместитель министра Е с самого детства сдувал пылинки с Е Цзина и всегда лично проверял все его припасы и одежду. Заметив пропажу части угощений, он тут же послал разузнать на кухню. Там ответили, что служанка из двора Баофэн забрала их в качестве завтрака для Четвертого молодого господина Е. Стали разбираться и выяснили, что Е Мянэ по обыкновению проспал, не успел позавтракать дома и приказал завернуть еду с собой.

Разгневанный заместитель министра Е прямо во дворе разразился руганью, обзывая Е Мянэ ленивым ничтожеством. Он велел отобрать завтрак назад и передать через Жуй-эр во двор Баофэн, что отныне кухня больше не станет собирать Четвертому молодому господину Е еду в дорогу. Если их хозяин снова проспит, пусть ходит голодным — пускай хоть с голоду помирает!

Госпожа Е попыталась его успокоить, но заместитель министра лишь упрекнул госпожу Цю в том, что из-за слепой материнской любви вырастают оболтусы. Рассерженная госпожа Цю отвернулась и перестала обращать на него внимание.

— Сейчас мне некогда его воспитывать! Передайте паршивцу, пусть ждет моего возвращения!
— гневно пыхтел заместитель министра Е.

Выслушав Жуй-эр, Е Мянэ лишь скривил рот. Не больно-то и хотелось! Подумаешь, велика беда.

А вот служанки во дворе Баофэн не шутя перепугались. Побелевшая от страха Баосюэ поспешно сгребла со стола несколько сухих пирожных, сунула их в сумку для книг Е Мянэ и умоляюще попросила съесть по дороге.

Е Мянэ вытащил их и выбросил.

— Не буду!

Бросив это, он взмахнул рукавами и ушел.

Злость Е Мянэ была искренней, но и голод давал о себе знать. Посреди урока у него разболелся желудок — то ли от гнева, то ли от пустоты. Скрючившись, он распластался по письменному столу. Наставник, читавший им лекцию по трем историческим хроникам, прервался и, нахмурившись, спросил, что это значит.

Е Мянэ поднял голову и честно ответил:

— Наставник, у меня невыносимо болит живот.

Учитель холодно усмехнулся:

— Старая уловка. Коли не желаешь слушать мои уроки, ступай вон!

Когда не везет, так и от глотка воды зубы заломит — Е Мянэ обреченно вздохнул и покорно убрался из класса. Однако ноги нещадно ныли, а желудок скрутило спазмом так, что стоять было невозможно. Найдя тихое местечко, укрытое от ветра, он, обхватив руками живот, с самым несчастным видом уселся на корточки в галерее, прислонившись к стене.

Вскоре из класса выскользнул слуга-посыльный Моши и тайком сунул ему завернутые в чистый платок две лепешки с сахаром.

— Молодой господин Е, не побрезгуйте. Это моя доля. Хотя и простая еда, но сегодня утром на кухне испекли, еще свежие.

Проглотив одну лепешку, Е Мянэ спохватился:

— А ты откуда узнал, что я голоден?

Моши смущенно улыбнулся:

— Когда я утром наливал вам чай, то услышал, как у вас в животе урчит. Да и на лицо вы были бледны. Я раньше сам на кухне служил, часто приходилось работать натошак, так что мне это знакомо. Вам нужно кушать получше.

Е Мянэ это немного тронуло. Он потрепал Моши по щеке:

— Ладно, не зря я к тебе хорошо отношусь.

Кое-как дождавшись полуденного перерыва, Е Мянэ принялся молча уплетать обед, ни на кого не обращая внимания. Приятели из двора Цижуй посматривали на него: им и смеяться хотелось, и боязно было. Четвертый молодой господин Е сегодня с самого утра ходил чернее тучи. Обычно он так и сыпал шутками да прибаутками, и видеть его в таком хмуром настроении было непривычно. Даже Вэй Аньюань притих и не решался его задевать.

Пока они перемигивались, раздался внезапный вскрик Жуань Юньшэна.

Все сидевшие рядом вздрогнули. Е Мянэ тоже резко поднял голову и увидел, что Жуань Юньшэн держится за шею, а на плече его халата расплывается мокрое пятно. Не успели друзья вскочить, как стоявший позади Жуань Юньшэна ученик ехидно проговорил:

— Ох, рука дрогнула. Вы уж не серчайте, молодой господин Жуань.

Жуань Юньшэн ткнул в него пальцем:

— Сюэ Пинъюань! Ну и подлец же ты!

В столовой их тоже обслуживали слуги, с чего бы ученику самому носить чай?

Тот лишь усмехнулся:

— Подумаешь, случайно пролил чашку чая. Стоит ли так сыпать оскорблениями, старший молодой господин Жуань? Мы вообще-то в Императорской академии Гоцзысюэ.

— Ты еще смеешь поминать Императорскую академию Гоцзысюэ? — вскипел Жуань Юньшэн.
— На днях ты строил мне козни по дороге на учебу, и я промолчал. Но ты совсем обнаглел и теперь устраиваешь свои подлые пакости прямо в академии! Сразу видно воспитание клана Сюэ!

После этих слов Е Мянью с друзьями все поняли. Этот Сюэ Пинъюань и был тем самым мерзавцем, который нанимал людей перегораживать Жуань Юньшэну дорогу на учебу. Из-за этого Жуань Юньшэн несколько дней подряд опаздывал и получал выговоры в павильоне Синсы. Тогда Е Мянью с ребятами расспрашивали его, кто этот смертник, готовые проучить его, но Жуань Юньшэн отмалчивался, боясь навредить отцу, чье дело тогда находилось на критическом этапе рассмотрения. Именно поэтому последнее время Е Мянью заезжал за Жуань Юньшэном по утрам, чтобы они добирались вместе.

Е Мянью знал этого Сюэ Пинъюаня. Тот был сыном главы приказа Хунлусы. Клан Сюэ и клан Жуань издавна враждовали. В прошлом году зять Сюэ Пинъюаня из-за халатности при ремонте речных плотин довел дело до затопления и разрушения нескольких деревень. Цензор Жуань подал на него доклад, мерзавца лишили должности, а его жена — сестра Сюэ Пинъюаня — от потрясения потеряла нерожденного ребенка.

Слыша это, Сюэ Пинъюань процедил сквозь зубы:

— Нашему клану Сюэ далеко до вашего дома Жуань. Мы по крайней мере не учим своих детей брать взятки и нарушать законы.

<http://bllate.org/book/18289/1753835>